

ФИЛОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

УДК 821.161.2-1

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ ЛИРИКИ НАТАЛКИ БЕЛОЦЕРКОВЕЦ

Л. С. Ачкан

Бердянский государственный педагогический университет,
г. Бердянск, Украина

INTERTEXTUALITY AS A WAY OF INDIVIDUAL TEXT-LYRICS NATALKA BELOTSERKOVETS

L. S. Achkan

Berdyansk State Pedagogical University, Berdyansk, Ukraine

Summary. In the article the features of intertextuality based on lyrics N. Bilotserkivets, determined and summarized its variety and artistic features. Intertextual connections poems can be traced through a comparison with the works of Ukrainian and foreign literature, fine arts, music, cinema. The paper analyzes the intertextuality in poetry N. Bilotserkivets (symbolic images and motifs, stylized genres, subjects appeal to Western writers and philosophers) classification J. Zhenetta.

Key words: intertextuality; allusion; reminiscence; title; peredtekst; epigraph.

Лирика Н. Белоцерковец является одним из самых ярких явлений украинской поэзии второй половины XX – начала XXI столетий. Её самобытность во многом определяется творческими поисками поколения восьмидесятников. В одном интервью она подчеркнула, что, несмотря на её дебют во второй половине 70-х годов, относит себя к поэтическому поколению 80-х, поскольку имеет созвучное с его представителями мировоззрение и эстетические принципы [6, с. 160]. Творчество этого поколения отмечается чрезвычайно сложной метафорикой, не перенесением признаков одного предмета на другой, а органической „трисоставностью” современного интеллекта, который держится на первично человеческих, органично природных (традиционных) и цивилизационных началах. Философская насыщенность стихов побуждает признать бесспорное превосходство духовных порывов лирического героя над окружением, приоритет идеала над действительностью.

Теоретические основы интертекстуальности как метода исследования литературных текстов основываются на понимании художественного произведения и открытого текста, связанного с другими текстами через аллюзии, реминисценции, цитаты. Различные типы и формы взаимодействия текстов – это не только внешняя форма выявления интертекстуальности, но и факторы формирования новых, глубинных значений текста, расширения его семантического поля. Ведь, как отмечает И. Смирнов, содержание художественного произведения полностью или частично формируется через посредство ссылки на другой текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, смежном дискурсе или предшествующей литературе [10, с. 11].

Отдельные аспекты интертекстуальности в творчестве Н. Белоцерковец рассматривали И. Андрусак [1], И. Белаш [2], Л. Таран [11], И. Федюшина [13]. Так, в статье И. Федюшиной [13] неоготический дискурс в украинской поэзии XX века исследован на материале творчества поэтов Пражской школы и представителей поколения „восьмидесятников”, среди которых важное место отводится и Н. Белоцерковец. В рецензии на сборник „Алергія” И. Андрусак [1] акцентирует внимание на отдельных произведениях, в которых прослеживается явление интертекстуальности. Л. Таран [11] представляет обзор творчества поэтессы, отмечая отдельные интертекстуальные проявления. Однако целостный анализ интертекстуальных связей на материале её лирики в литературоведческой сфере отсутствует, что и обуславливает **актуальность** нашего исследования.

Цель статьи – исследовать интертекстуальные связи и определить особенности трансформации прототекста в поэзии Н. Белоцерковец.

В процессе текстуального анализа мы осуществили дифференциацию интертекста, определили влияние произведений литературы, истории, живописи, музыки, кино, сюжетов, мотивов и образов древних мифов и легенд на формирование содержания лирических произведений Н. Белоцерковец. В данной статье использована классификация транстекстуальных отношений, которую разработал Ж. Женетт в исследовании „Палимпсесты. Литература второй степени” [16, с. 451].

Всё поэтическое творчество Н. Белоцерковец характеризуется палимпсестичностью письма: образы, мотивы сюжеты мировой, украинской литературы, кино и музыки накладываются на изображённые ею реалии общественной и художественной жизни, затрагивая актуальные проблемы. Интертекстуальность проявляется в интерпретации образов из французской (мост Мирабо [6, с. 9]), немецкой (Лореляй [6, с. 18], Фауст [6, с. 20]), английской (роза [3, с. 19]), грузинской (тринадцатилетний парень [6, с. 30]), украинской литератур (увядшие листья [7, с. 59], Екатерина [6, с. 7]) и др.

В лирике Н. Белоцерковец представлена **интертекстуальность как „сопричастие” в одном тексте – „текст в тексте”**. Например, в стихотворении „Троянда” автор сравнивает поэзию, которая по своему содержанию касается самых скрытых, сокровенных душевных тайн, с цветком-розой, что стыдится своей уникальной красоты. В центре стихотворения, заимствованный у английского поэта Уильяма Блейка образ розы. Она погибает от любви, отдаваясь червю. В представлениях поэта любовь – это духовное переживание, непримиримое с физическим инстинктом, символом которого является червь в стихотворении „Больная роза”, изображающая мир познания: „И он туда проник, / Незримый, Ненасытный, / И жизнь твою сгубил / Своей любовью скрытной” [9]. Наталья Белоцерковец с помощью образа розы воспроизводит искусство, которое выбирает для себя не всегда идеальных людей. Раскрывает идеи „стыда и скуки” творчества и сосуществование художника и искусства как явления трагического: „...і вся поезія – лиш сором і нудьга, нещасна квітка, люба дорога...” [3, с. 19].

Лирика Н. Белоцерковец состоит из различных форм литературной интертекстуальности, но довольно часто они имеют завуалированный характер, выступая на уровне аллюзии или реминисценции, в том числе заимствования мотивов, образов, художественных средств, переработки сюжетов и подражания.

Одной из моделей ввода реминисценций в поэзии является перефразировка заглавия известного романа Г. Маркеса. Так, отдельные фрагменты названия произведения „Сто лет одиночества” концентрируются в названии поэзии Н. Белоцерковец „Сто років юності”. Вышеупомянутый приём поэтесса применяет в произведениях „Люди пристрасті”, используя стихотворение Ф. Песоа: „Смішні слова, крім найпростіших: / мама, не хочу, хочу, дай” [5, с. 11]. Например, если сопоставить со строками оригинала: „Все любовные письма / Смешны / Не были бы любовными, если бы не были / Смешны / Любовные письма, если любишь, / Должны быть / Смешны / Все чрезвычайные слова, / Как и все чрезвычайные чувства, / Само собой разумеется, / Смешны” [9], то наблюдается логическое продолжение мысли поэта, которую автор дополняет собственными размышлениями, созерцая через призму современности. С помощью приёма перефразирования Н. Белоцерковец передаёт главную мысль стихотворения. Новые поэтические строки участвуют в создании подтекстовой образности.

В творчестве Н. Белоцерковец представлена **предтекстуальность**, которая проявляется в заглавии на лексическом уровне. Заглавие – это первый знак текста, который даёт читателю целый комплекс представлений о произведении, формирует предпонимание текста, становится первым шагом к его интерпретации; это ключ к пониманию произведения [12, с. 56]. Большинство стихов Н. Белоцерковец содержит заголовков, с помощью которого автор может сознательно сконденсировать весь смысл стихотворения, при этом название является своеобразной подсказкой основной художественной концепции. Аллюзиями чаще всего выступают имена, принадлежащие реальным лицам (известным музыкантам, художникам в заглавиях-посвящениях). Например, в циклах „Музиканти” („Шенберг, Місячний П'єро I”, „Шенберг, Місячний П'єро II”, „Шенберг, Місячний П'єро III”, „Клод Дебюссі. Віддзеркалення в воді”, „Клод Дебюссі. Дзвін крізь листя”, „Клод Дебюссі. Затонулий собор”) и „Художники” („Врубель. Бузок”, „Пікассо. Дівчина на кулі”, „Броніслав Лінке. Каміння кричить”) аллюзии реа-

лизуют межтекстовые связи различных типов в заголовках художественных текстов Н. Белоцерковец.

Особенности **паратекстуальности** проявляются и в эпитафиях, которые несут определённый тип информации. Эпитафия полноценно раскрывает своё содержание только в процессе взаимодействия с авторским текстом, настраивая на диалогичность с читателем. Этот дополнительный информационный носитель всегда расширяет подтекстовое поле произведения и является ключом к его интерпретации. Важной приметой, которая отличает эпитафии в лирике Н. Белоцерковец, является их первоисточники: „*Фауст*” („*Ходить Фауст по Європі*” П. Тычины), „*Ліс*” („*На пішляху свого земного світу / Я трапив у похмурий ліс густий*” Д. Алигьери). Находим эпитафии из советских шлягеров: „*Наш паровоз, вперёд лети*”, с англоязычных хитов: „*When I was a student of the university*”, „*I wanna to be your lover*”. Такое многообразие эпитафий указывает на высокий уровень духовности, интеллекта, образованности и эрудированности поэтессы.

В лирике Н. Белоцерковец применяются метонимические реминисценции: „считывания” чужого заголовка („*Сто років юності*”, „*Фаусти*”, „*Троянда*” и „*Хліборобська новела*”) и „присвоения” („*Зів'яле листя*”, „*Кривенька качечка*”, „*Лорелай*”, „*Катерина*”). Это приводит к тому, что поэтическая картина раскрывается в разноцветной палитре переменных эмоциональных аксиологических компонентов, осуществляются интертекстуальные переключки с образами, которые встречаются в творчестве украинских и зарубежных поэтов, причём эти фрагменты звучат с высоким пафосом.

Метатекстуальність – наименее интенсивное видоизменение претекста, где даётся собственный комментарий автора к произведению [14]. У Н. Белоцерковец метатекстовое проектирование происходит в цикле „*Художники*” („*Врубель. Бузок*”, „*Пікассо. Дівчина на кулі*”, „*Броніслав Лінке. Каміння кричить*”), в стихах „*Лорелай*”, „*Чорний камінь на камені*”, „*Ночі вересня*” на сюжетно-образном уровне и уровне проблематики. В вышеупомянутых стихах поэтесса использует ещё один из приёмов интертекстуальности – **парафраз** (сокращённый или расширенный пересказ своими словами мыслей) [8].

Шедевры художественного искусства перед читателем предстают в поэтической ткани текста, представленные циклом „*Художники*” („*Врубель. Бузок*”, „*Пікассо. Дівчина на кулі*”, „*Броніслав Лінке. Каміння кричить*”). Стихотворение „*Пікассо. Дівчина на кулі*” [4, с. 27] в первом сборнике „*Балада про нескорених*” открывает серию стихотворений, посвящённых П. Пикассо, которая представлена в следующих произведениях „*Елегія Пікассо*” [4, 26] (сборник „*Листопад*”), „*Паоло і Пабло*” [3, с. 32] (сборник „*Алергія*”).

У Н. Белоцерковец **гипертекстуальность** представлена в стихотворении „*Фаусти*”. Вечный образ Фауста является одним из ёмких литературных героев, олицетворяющих символ человеческого разума и сомнений в необходимости знания. Прототипом этого персонажа выступает Фауст, герой немецкой средневековой легенды, черно-книжник, безбожник, авантюрист. Он с помощью Дьявола бросил вызов Богу, чтобы завладеть тайнами мира. Н. Белоцерковец традиционный сюжет Фауста интерпретирует по-новому. Композиционно её произведение состоит из трёх частей и антистрофы. Читая его, входишь в созданный поэтессой художественный мир: в состояние одиночества, таинственности и фантастики. Первая строфа открывает „*гостроверхий будинок, що знаходиться біля древнього собору*”, где „*сидить Фауст і дума над життям*” рядом с ним „*довгокоса Маргарита*”, которая „*притулилася молодим дитям*” [5, с. 29]. А уже во второй – возникает метафоризованный образ Мефистофеля, который возвращает нас к современности: „*Хай гомункули уважні / Из усіх пробірок лізуть, / Щоб підслухать мисль яку, / Недаремно позіхає Мефістофель-телевізор / У самотньому кутку*” [5, с. 29]. В стихотворении „*Фаусти*” Н. Белоцерковец использует конструкции „текст в тексте” как ироническое цитирование первоисточников, в частности, изображает лирического героя в сатирическом свете: „*Фауст плаче над життям. / Перед ним стоїть відкрита / Ніжна пляшка „Маргарита” / З голубим гірким питтям*” [5, с. 29]. Такие приёмы свидетельствуют об имитации интерпретативных проявлений в поэзии. Двусмысленность образа Фауста является обязательным условием разрушения

традиционных кодов и способом апробации новых в стихах поэтессы, предоставления иных черт характеру главного героя.

Итак, в основе произведений Н. Белоцерковец можно проследить интертекстуальный сюжет и образы, которые взяты из средневековых легенд и произведений Э. Юнгера, Г. Табидзе, В. Блейка, П. Пазолини, П. Пикассо. Вышеупомянутые интертекстуальные конструкции целесообразно понимать как единицы текста, которые считаются из контекста произведения. Интертекстуальность как „соприсутствие” в одном тексте – „текст в тексте” представлена в аллюзиях, реминисценциях, перифразах, участвующих в создании образного комплекса и актуальной проблематики лирики Н. Белоцерковец. Паратекстуальность является ключевым средством двойного кодирования интертекста. Зафиксированы эпиграфы и заглавия, влияющие на понимание подтекста стихов поэтессы, которые ориентированы на литературные источники. В творчестве поэтессы представлен один из типов интертекстуальности – метатекстуальность. Гипертекстуальность у Н. Белоцерковец характеризуется динамичностью и нестабильностью, которые превращают обычный текст в мозаику, привлекают читателя своей разнородностью, противоречивостью и неизвестностью.

Библиографический список

1. Андрусак І. Відбитки серцебиття. URL : <http://dyskurs.narod.ru/Bilotserkivets.htm>
2. Белаш І. Камертон Наталка Білоцерківець. Алергія. Вірші. – К. : Критика. URL : <http://irenelash.com/камертон/>
3. Білоцерківець Н. Алергія. – К. : Критика, 1999. – 64 с.
4. Білоцерківець Н. Балада про нескорених. – К. : Радянський письменник, 1979. – 64 с.
5. Білоцерківець Н. Готель Централь. Вибрані вірші. – Львів : Кальварія, 2004. – 120 с.
6. Білоцерківець Н. Підземний вогонь. – К. : Молодь, 1984. – 80 с.
7. Білоцерківець Н. У країні мого серця. – К. : Радянський письменник, 1979. – 64 с.
8. Літературознавча енциклопедія / авт. - уклад. Ю. Ковалів. : у 2 т. – К., 2007. – Т. 1. – 608 с.
9. Пессоа Ф. Лирика / пер. с португ. Е. Витковского. – М. : Худож. лит., 1989. – 303 с. URL : <http://lib.ru/POEZIQ/PESSOA/lirika.txt>
10. Смирнов И. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака. – СПб. : СПбГУ, 1995. – 190 с.
11. Таран Л. Нота Бене: Наталка Білоцерківець. URL : <http://litakcent.com/2011/05/14/nota-bene-natalka-bilocerkevets>
12. Фатеева Н. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. – М. : Агар, 2000. – 280 с.
13. Федюшина І. Неоготичний дискурс в українській поезії ХХ століття: шляхи поступування. URL : http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vmdgu/2008_1/fedushina.htm
14. Чернявська Л. Інтертекст в есеїстиці О. Забужко. URL : http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Dtr_sk/2010_4/files/SC410_17.pdf
15. Шевченко Т. Кобзар. – К. : Рад. шк., 1987. – 256 с.
16. Genette Gérard. Palimpsestes. La littérature au second degré. – Paris, Seuil, 1982. – 468 p.

© Л. С. Ачкан